6. Иоаннидис А.А. Новогреческо-русский словарь. М., 1961.

7. Корнеева-Петрулан М.И. К изучению состава и языка договоров русских с греками // Учен. зап. Моск. ун-та. Рус. яз. 1952. Вып. 150.

8. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1862 (Л).

9. Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Спб., 1853.

10. Обнорский С.П. Язык договоров русских с греками // Избранные труды по русскому языку / С.П. Обнорский. М., 1960.

11. Памятники русского права / сост. А.А. Зимин. М., 1952. Вып. 1.

12. Поликарпов Ф. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских ... М., 1704.

13. Самоквасов Д.Я. Курс русского права. М., 1908.

14. Свенціцький І.С. Питання про автентичність договорів Русі з греками в X віці // Вопр. слав. языкознания. Учен. зап. Львов. ун-та. Львов, 1949. Кн. 2. Т. IX.

15. Синайский И. Русско-греческий словарь. М., 1869.

16. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. М., 2003. Т. 1.

17. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

18. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка …: в 3 т. Спб., 1893–1912.

19. Срезневский И.И. О договоре князя Олега с греками // Изв. АН ОРЯС. Спб., 1852. Т. 1.

20. Тарановский Ф. Рец. на кн. : Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910 // Византийский временник. Спб., 1913. Т. XX. Вып. 2–3.

21. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2.

22. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

23. Шахматов А.А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки неофилологического общества. Пг., 1915. Вып. VIII.

24. Шахматов А.А. Славяно-русская палеография XI–XIV веков. Спб., 1885.

25. Эверс И.Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Спб., 1835.

26. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Parisiis, 1840–1850. V. 5.

27. Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688. V. 2.

Сокращения

АН ОРЯС – Академия наук, Отд-ние рус. яз. и словесности.

Ерм. – Ермолинская летопись. Спб., 1910.

ЛАв. – Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Спб., 1889.

МЛС – Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

Ник. – Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

Н 4 – Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915; Л., 1925. Ч. 1. Вып. 1, 2.

ПВЛ – Повесть временных лет: в 2 ч. М.; Л., 1950. Ч. 1: перевод.

Р – Радзивиловский список Повести временных лет (см. ПВЛ).

Names of international and legal document in agreements between Russia and Greeks in the X century

Based on the texts represented in the X century in Russian chronicles, there is researched the vocabulary of international and legal nature, meaning the notion "agreement" and the related notions. Along with the existing interpretations in the history of science, there is suggested the author's interpretation of the contents of the lexemes under consideration.

Key words: *chronicle, loanword, loan translation, Grecism, Old Slavism, synonym.*

Л.А. МЕЛЕХОВА
(Москва)

КОННОТАЦИЯ ИМПЕРАТИВА: ПОНЯТИЕ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Определяется функционально-семантический статус коннотации императива на лексико-морфологическом и синтаксическом уровнях современного русского языка. Представлена классификация компонентов коннотативной матрицы побуждения; описаны средства выражения и сферы смысловых оттенков императивного высказывания.

Ключевые слова: *коннотация, императив, экспрессия, семантика оценки.*

Коннотация императива (КИ) – это добавочная семантика побуждения, дополняющая его предметно-понятийное и грамматическое содержание, например: *Александр Петрович,*

© Мелехова Л.А., 2012

пойдемте! (побуждение + вежливость); *Саша,* ***пойдем-ка!*** (побуждение + оттенок дружеского (или фамильярного) приглашения); ***Ну пойдем же,*** *Саша!* (побуждение + семантика настойчивой просьбы, нетерпеливости). Появление добавочных значений императива обусловлено тремя основными факторами: ассоциативным переосмыслением денотативного значения, интенцией говорящего, коммуникативной ситуацией в целом. Коннотативные смыслы побудительных высказываний отражают не только эмоционально-экспрессивный и стилистический, но и прагматический потенциал императивной семантики. Цель статьи – определение функционально-семантического статуса КИ на разных языковых уровнях.

Анализ коннотативных оттенков отдельных грамматических форм представляется одним из актуальных и перспективных направлений лингвистических исследований. Проблема экспрессивных возможностей глагола в последние годы активно поднимается в языкознании (Н.Н. Кузнецова, 2009; Т.Р. Ходжаян, 2009; Т.С. Горохова, 2008), что дает основания детального изучения коннотативной сферы императива как одного из членов глагольной парадигмы, а также как продуктивного явления, наиболее предрасположенного к выражению многообразных добавочных семантических оттенков.

Сложность явления коннотации и необходимость его изучения подчеркивает П.А. Лекант: «…коннотативные смыслы опираются на синтаксические, формальные показатели. Эта область синтаксиса представляет особый предмет исследования, своего рода второй уровень синтаксических единиц…» [3, с. 6]. При этом ученый отмечает малоизученность данной области, что остается актуальным и в настоящее время.

Понятие «коннотация» полисемантично. Существует множество подходов к описанию коннотации (Л. Ельмслев 2006; Ю.Д. Апресян 1995; Е.М. Сторожева 2007; И.Е. Герасименко 2009; С.Г. Фрост 2006; В.Н. Телия 1986; Н.А. Вострякова 1998 и др.). Этот термин понимается узко и широко. В узком смысле коннотация противопоставлена денотативному содержанию языковой единицы и рассматривается как аллювариант, экстенсиональное значение побуждения по отношению к данному референту. В широком смысле коннотация означает все многообразие эмоционально-экспрессивных, семантических, функциональных и стилистических оттенков. Применительно к императиву она выступает как компонент побудительного высказывания, с помощью которого осуществляется связь императивной формы (языковой единицы) с контекстами ее употребления. КИ выражает отношение говорящего к обозначаемому и, следовательно, является индикатором субъективности высказывания.

Компоненты коннотативной матрицы императива образуют три сферы: эмоциональную, экспрессивную и оценочную. Элементы каждой из групп актуализируются как в совокупности, так и по отдельности.

Эмоциональный компонент КИ включает разновидности чувственной окраски: мелиоративную (возвеличивающую, положительную) – *Восстань, пророк, и виждь и внемли…* (А. Пушкин); *Да здравствует солнце!* (А. Пушкин); *Вставай же, Русь!* (С. Есенин); пейоративную (уничижительную) – *Не подходи ко мне, вражина!* (В. Розов); *Эй! Петька, не завирайся!* (А. Блок); *Брысь! Фу!* (по отношению к человеку); депретативную (бранную) – *Провались ты пропадом!* (фразеолог.); *Разрази тебя гром!* (фразеолог.); аффективную – *Уходи, пока цел!; Не сметь!* Возможны и другие проявления эмоций, допустимы смешение чувств, их проявление в разной степени, отсутствие четких границ между приведенными характеристиками. «Под эмоциональным коннотативным компонентом глагольного слова понимается выражение словом эмоции или чувства. Эмоции … находят свое отражение в единицах всех языковых уровней, а это позволяет говорить о комплексном характере языковых репрезентаций эмоций» [1, с. 8], – данное замечание Т.С. Гороховой об универсальной значимости категории эмоциональности подтверждает правомерность рассмотрения особой группы коннотаций императива.

Экспрессивный компонент КИ реализует выразительный потенциал побуждения и связан с императивной функцией воздействия. К этой сфере относятся, например, такие типы: торжественная КИ – *Подымем бокалы, содвинем их разом!* (А. Пушкин); интенсивная КИ – *Пой же, пой на проклятой гитаре…* (С. Есенин); экстенсивная КИ – *Следи за собой, будь осторожен* (В. Цой); этическая КИ – *Филипп Филиппович, прошу вас: не волнуйтесь!* (М. Булгаков); мотивированный императив – *Не бойся, не обижу ее!* (К. Симонов); *Возьми на память обо мне* (А. Куприн). Экспрессивный императив – это побуждение с добавочным средством выразительности с целью наибольшего воздействия на адресата и максимальной вероятности достижения ответной реакции. Сфера экспрессивной семан-

тики императива разграничивается на отдельные поля по степени выразительности. Каждая степень экспрессии определяется по сумме используемых выразительных средств: интонации, художественных тропов, синтаксических приемов. Выделяются побуждения высокой, средней и низкой степени экспрессивности. Высокая степень экспрессии характерна для художественно-поэтического императива, имеющего значение гипотетической модальности, – *Храни меня, мой талисман!* (А. Пушкин), для приказов – *Приказываю: немедленно сдайте оружие* (К. Симонов), призывов – *Пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!* (А. Пушкин), лозунгов – *Даешь молодежь!* (название ТВ-передачи), интимной просьбы и мольбы – *Прошу тебя, умоляю, позволь мне уехать!* (А. Чехов). Средняя степень экспрессии присуща, как правило, сфере приглашений, предложений, пожеланий: *Посетите выставку в музее!; Будьте взаимно вежливыми!; Пусть беды тебя обойдут стороной!*. Низкая степень экспрессии наблюдается в официально-деловой сфере и научном стиле: *При попадании шампуня в глаза промойте их теплой водой* (из инструкции); *Принимайте по одной таблетке три раза в день* (из аннотации); *Рассмотрите следующие предложения* (из сборника упражнений). Экспрессивные функции коннотации императива в большей или меньшей мере реализуются в любом побудительном акте, однако низкая степень экспрессии – это отнюдь не обязательный признак слабой воздействующей силы побуждения, а повышенная экспрессивность – отнюдь не обязательное условие сильного воздействия на адресата. Необходима координация выбора экспрессивных средств побуждения с определенным типом речевой коммуникации.

Экспрессивность императивного высказывания может быть ингерентной и адгерентной. Ингерентная экспрессивность внутренне присуща побудительному элементу и проявляется вне зависимости от внешних условий. Например, междометие *айда* обладает ингерентной экспрессией побуждения со значением быстрого отправления куда-либо, закрепленной стилистической коннотацией «просторечное», используется в непринужденном общении: *Айда к нам в избу!* (Д. Мамин-Сибиряк) – побуждение со значением императива адресата к немедленному выполнению действия (без раздумий и сомнений). Адгерентная экспрессивность приобретается формой или выражением только в данном контексте, речевой ситуации: форма типа *идите* может иметь различные коннотативные оттенки в зависимости от контекста: совет – *Ольга Ивановна, советую вам: идите домой!*; приказ – *Идите за мной!*; приглашение – *Ольга, идите на сцену!*; превентив – *Идите уж пораньше, а не то опоздаете!*; пренебрежение – *Идите отсюда, не мешайте!*. Экспрессивные функции КИ направлены на перлокуцию волеизъявления. Грамматический план такого «окрашенного» императива имеет систему специфичных средств на лексико-морфологическом и синтаксическом уровнях.

Оценочный компонент КИ основан на модальных значениях, оттенках по общей шкале «положительное – отрицательное». На этом основании разграничиваются императив согласия (*Конечно, возьми!*); несогласия (*Нет, не бери!*); неуверенности / нерешительности (*Может быть, давай пойдем!; Возьми, но обещай вернуть вовремя; Сходи, если не устала*); уверенности / решительности (*Непременно давай пойдем!*); желательности (*Скажи, чтобы открыли окно!; Приходи уж пораньше!; Сходил бы к врачу!*); нежелательности (*Не ходила бы ты в лес одна!; Не говори уж ей!..*); запретительный императив (*Не курить!; Костры не разводить!*); превентивный (*Смотри не простудись!; Не вздумай подходить!*); угрожающий (*Только попробуй не прийти!*) и др. КИ связана с категорией оценки, т.к. языковые средства, имеющиеся в распоряжении говорящего для побуждения собеседника к определенному действию, имеют оценочный характер, а потому позволяют анализировать КИ с позиций категории оценки. Через императивное предложение оценивается отношение говорящего к адресату, которое выстраивается по шкале «хорошо – плохо» и сопровождается соответствующими эмоциями (положительными или отрицательными). Например, разрешение по функциональной сущности предрасположено к положительной эмоциональной окраске, а запрещение – к отрицательной.

Ирреальная модальность императивных высказываний препятствует использованию традиционных оценочных средств, общих для большинства языковых единиц, поэтому средства выражения семантики оценки в сфере императива представлены единицами синтаксического уровня – обращениями, однородными членами, лексическими повторами, вводными компонентами, инверсией и др. Оценочная семантика как компонент коннотативного смысла императива обязательно присутствует в любом побудительном предложении и является необходимым условием организации побуждения в речи.

Функционально-семантические модели коннотативных смыслов императива (приказ, совет, просьба, призыв, предложение) детерминированы эмоционально-экспрессивными и оценочными компонентами значения. Коннотация и степень категоричности побуждения находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности. Их взаимосвязь отражает системный характер явления КИ.

Лексический уровень русского языка включает группу слов, словарное значение которых имеет экспрессивное императивное содержание, и формы слов, грамматическое значение которых способствует организации соответствующего коннотативного смысла побуждения. Императивные междометия и частицы (*айда, ну, на, полно, брысь, вон* и др.) усиливают категоричность побуждения [2, с. 26], организуют динамику действия: *Полно, полно, Люба, Варя* (А. Чехов); *Айда греться, ну ее к черту все* (В. Шукшин). Сжатость структуры компенсируется повышенной эмоционально-экспрессивной окраской, возможны коннотации увещевания, пренебрежительности, доверительности, негативной оценки действия и т.д. Каузация КИ связана с группой перформативных глаголов: *приказываю, призываю, требую, разрешаю, рекомендую, предлагаю, приглашаю, прошу, умоляю, советую, предостерегаю* и др. Такие глаголы определяют градацию императива по степени категоричности (от приказа до просьбы), добавляя различные семантические оттенки (например, наставления, рекомендации, заклинания, наказа, мольбы, угрозы): ***Рекомендую**: пейте настойку на целебной осиновой коре* (В. Солоухин); *Мгновенно,* ***умоляю*** *вас, подайте отросток и тут же шить* (М. Булгаков).

Морфологический уровень КИ представлен продуктивной транспозицией неимперативных форм глагола и слов других частей речи в систему побудительных средств: *Пошли! (=Пойдем!); Стоять! (=Стойте); Смелей!; Вперед!; От винта!*. Эти средства помимо семантики волеизъявления передают ту или иную ярко выраженную коннотацию (категоричного приказа, призыва при общем оттенке официальности побуждения; непринужденного приглашения в разговорном стиле; распоряжения и т.п.). Роль конкретизаторов коннотации при императиве играют частицы *не, же(ж), -ка, ну, да, уж, ли, бы*: *Полина, иди* ***же*** *к нам…* (А. Толстой) – интенсивная коннотация настойчивой просьбы; *Эй, Прохор! Подика, милый, сюда!* (А. Чехов) – пейоративная коннотация, оттенок фамильярности; ***Ну*** *ладно, бери за четыреста…* (Ф. Искандер) – пермиссивная окраска, семантика согласия адресата. Формы глагольной парадигмы выражают типовые коннотативные смыслы, заданные прагматическими факторами.

Синтаксический уровень КИ располагает средствами контекста, проявляющими добавочный смысл побуждения. На уровне простого предложения актуализация коннотативного смысла императива достигается такими средствами, как обращение; лексический повтор; инверсия, слова и обороты, описывающие речевую ситуацию побуждения, содержание второстепенных членов. Приведем примеры: *Давай лучше спать! –* ***с досадой*** *проговорил Аркадий* (И. Тургенев) – коннотация просьбы с чувством раздражения, неудовольствия вследствие обиды; *Гуляй,* ***ребята****, без вина!* (А. Блок) – насмешливая призывность, коннотация сарказма, пренебрежительности (на основе нарушения координации форм обращения и императива); ***Поедем****, Оля,* ***поедем!*** (А. Чехов) – оттенок уговаривания, упрашивания, просьба к интенсивному началу действия. Интонация – это средство дифференциации КИ, т.к. добавочные эмоционально-смысловые оттенки выражаются интонационной структурой высказывания. Структурные признаки предложения взаимодействуют с каждым из модальных значений высказывания (утверждение, отрицание, оптативность, вопросительность, повествовательность и др.). Чем более распространена структура предложения, тем менее категорична побудительная функциональность: распространенная структура как бы «размывает» побудительную функциональность по всему высказыванию.

КИ в сложном предложении – это мотивированный и градационный императивы, характеризующиеся снижением категоричности побуждения, но повышением уровня коннотативной насыщенности. Градации и мотивации императива способствуют семантико-грамматические отношения между частями высказывания [4]. Например, интенсификатором побуждения служит препозитивный императив с глаголом обязательного управления в однофункциональных бессоюзных сложных предложениях: *Ну, придумай, ну пойдем куда-нибудь* (А. Солженицын); *Решайся, давай напишем ей письмо* (В. Шукшин). Мотивация императива используется в тех случаях, когда в интенции говорящего входит не только стремление вызвать ответное действие, но и убедить собеседника в целесообразности или

необходимости совершения данного поступка: *Костя, закрой окно, а то дует* (А. Чехов); *Если хочешь быть здоров, закаляйся* (посл.); *Не огорчайся, я тебе помогу* (А. Иванов).

Система средств и функционально-семантических свойств КИ отражает не только общие закономерности русской коннотации, но и частные, присущие только императивной сфере. Например, явления транспозиции форм в пределах глагольной парадигмы и употребление слов других частей речи с императивной семантикой служат в качестве специфичной репрезентации побудительной окраски.

Итак, КИ как экспрессивно-стилистическое явление русского языка представлена совокупностью оценочных, эмотивных, экспрессивно-образных и функционально-семантических оттенков побуждения, представляющих собой единицы коннотативной матрицы императива. Анализ показал, что КИ имеет систему специфичных средств выражения на лексико-морфологическом и синтаксическом уровнях и выступает обязательным компонентом семантической структуры любого императивного высказывания.

Литература

1. Горохова Т.С. Коннотативный аспект семантики глагольной лексики в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

2. Иосифова В.Е. Употребительность императивных междометий для выражения приказа // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. 2009. №1. С. 22–26.

3. Лекант П.А. О коннотативных смыслах высказывания // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания : межвуз. сб. науч. тр. М. : МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987. С. 3–9.

4. Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке : дис. … д-ра филол. наук. М., 1995.

Connotation of imperative: notion and expressive means

There is defined the functional and semantic status of connotation of imperative on the lexical and morphological and syntactic levels of the modern Russian language. There is given the classification of the components of connotative matrix of motive; described the expressive means and sphere of meaning nuances of imperative expression.

Key words: *semantics of assessment, connotation, imperative, expression.*

Л.В. АЛЕКСАНДРОВА
(Архангельск)

КОНСТРУКЦИЯ $N_1 + N_2$ И ЕЕ ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Сочетание «существительное с артиклем + безартиклевое существительное» отличается высокой продуктивностью в современном французском языке, что объясняет повышенный научный интерес к этой конструкции. Рассматриваются варианты номинации конструкции, изучается статус определяющего компонента. Использование адъективированного существительного для обозначения признака увеличивает экспрессивные возможности языка.

Ключевые слова: *именная беспредложная конструкция, адъективация существительного, средства выражения признака, рекламный текст, выразительные средства языка.*

Сложные образования $N_1 + N_2$ во французском языке привлекали и продолжают привлекать внимание лингвистов своей необычной продуктивностью. Имя существительное в функции беспредложного определения в конструкции типа *éditions Larousse, entrée côté jardin*, в основе которой лежит синтаксическая модель $N_1 + N_2$, является грамматическим синонимом имени прилагательного. Конкурируя с прилагательным и предложным определением в выражении признака, эта конструкция обогащает состав выразительных средств французского языка.

В наши задачи входил анализ конструкции «существительное с артиклем + безартиклевое существительное» ($N_1 + N_2$) на материале французского рекламного текста: *des accessoires mode, des chaussures sport, un ruban cerise*. Научный интерес к изучению данных сочетаний обусловлен высокой степенью распространения конструкции $N_1 + N_2$ в тексте рекламы.

Как известно, в лингвистике рекламный текст не выделяется как особый функционально-жанровый стиль. Традиционно его относят к публицистическому стилю, сочетающему в себе функцию сообщения информации и функцию воздействия на реципиента [4, с. 7]. Однако в последние десятилетия темпы развития рекламы выводят проблемы ее языкового оформления на особый уровень

© Александрова Л.В., 2012